ПИОНЕР

Г 249.
П 29
34

№ 5
1930 г.

Молодая гвардия

ФЕВРАЛЬ

№ 5

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Адрес редакции:
Москва, Центр, Новая пл., 6

Подписная цена:

36 номеров без приложений: на год—3 р., 6 м.—1 р. 60 к., 3 мес.—85 коп., 1 мес.—30 коп.

16 номеров с приложением: 12 сборников „Вторая ступень“:
на год — 8 р. 25 к., 6 м.—4 р. 35 к., 3 м.—2 р. 30 к.

КАК СТАТЬ КОМАНДИРОМ РККА

МЫ ВСЕ знаем, что над нашим социалистическим строительством, как грозовая туча, постоянно висит опасность войны. И многие ребята, сознавая, как необходимо нам иметь сильную, стойкую, классово-сознательную армию, очень хотят поступить в военно-учебные заведения. Но не все знают, как это сделать. Вот о том, как попасть в эти военные школы, мы сейчас и расскажем.

В военные школы сухопутных сил РККА принимают от 17 до 22 лет. Но принимают туда не всех. Если человек состоит под судом, если он лишенец, если он подлежит высылке, он в эти школы не попадет.

Желающий поступить в военную школу должен быть здоровым человеком. Физическую пригодность поступающего проверяет врачебная комиссия на месте вербовки. Но этим дело еще не кончается: на приемных испытаниях такую же проверку производят школьные медицинские комиссии.

Чтобы доказать свою политически классовую стойкость, парень должен иметь рекомендацию от той организации, которая выдвигает его в школу. Оценка этих рекомендаций производится и в вербовочных комиссиях и во время приемных испытаний.

Подавать заявление надо в ближайшую вербовочную комиссию при областных, окружных, районных, губернских и уездных исполкомах.

В этих коммиссиях есть все сведения о комплектовании школ, сведения о вакансиях в школах, программы и т. д.

Заявление можно направлять прямо в какую нибудь школу, но мы советуем это делать через вербовочную комиссию, потому что так попасть в школу легче.

Каждый парень, прежде чем подавать заявление, должен подумать, в какую школу ему надо поступить.

Школы сухопутных сил РККА таковы:

Пехотные школы, откуда выходят командиры взводов стрелковых частей. Учиться там нужно три года. Принимают со знаниями в объеме I ступени.

Кавалерийские школы, выпускающие командиров взводов кавалерийских частей. Срок обучения тот же, т. е. три года, и требуется образование тоже не ниже I ступени.

Артиллерийские школы дают командиров артиллерийских частей. Здесь срок обучения уже четыре года и повышенные требования (сравнительно с пехотой) по математике, природоведению и русскому языку.

Военно-инженерные школы подготовляют командиров взводов войск связи (по радиотелеграфной или телеграфно-телефонной специальностям). Здесь срок обучения тоже четыре года и повышенные требования (сравнительно со школой пехоты) по общему образованию. Сюда принимают больше тех, кто знаком с телефонным и телеграфным делом.

Оружейно-техническая и артиллерийско-техническая школы. Первая дает оружейных техников; вторая — арттехников, пиротехников и авиотехников. И в той, и в другой школе срок обучения четыре года.

Преимущество при приеме отдается ребятам, которые знакомы со слесарным ремеслом и работали в мастерских.

Школы военных сообщений. Эти школы выпускают комвзводов железнодорожных частей и органов военных сообщений. Учиться там нужно тоже четыре года.

Есть еще военно-топографическая школа. Оттуда выходят военные топографы. Срок учебы — четыре года.

Для того чтобы поступить в эту школу, нужно уметь обращаться с чертежными инструментами и обладать хорошим почерком.

Подготовку в школы производить надо обязательно по программам приемных испытаний военных школ, потому что они в некоторых частях шире гражданских.

Если парень признан желательным для приема в военную школу, но не имеет достаточной подготовки, его направляют на бесплатные подготовительные занятия, которые организовываются при вербовочных комиссиях.

СЕГОДНЯ В „ПИОНЕРЕ“:

1. Как стать командиром РККА
2. На передовых линиях, К. Ворошилов
3. В гостях у ОДВА
4. „Первый красный офицер“
5. Военная игра 1930 г.
6. Какая будет война
7. Конец Сунгарийской флотилии
8. Как нам жить
9. Школа строителей
10. Три в яблочко
11. Первый убитый
12. В дремучих лесах
13. Военизированное катание

ПОМНИ О КОНКУРСЕ

Конкурс на лучший проект организации жизни ребят в новых социалистических городах продолжается.

Архитекторы, экономисты, строители, педагоги ждут мнения самих ребят.

Где, как и почему должны жить ребята?

Что для них должно быть устроено?

Как они должны воспитываться?

Не позволим решать эти вопросы без нас!

Спешите прислать свои проекты. 16 апреля кончается срок конкурса.

7 премий для коллективных разработок и 3 для индивидуальных будут наградой придумавшим лучшие проекты.

Подробные условия конкурса читайте в № 4 „Пионера“.

II 29
34

НА ПЕРЕДОВЫХ *линиях*

Ц. 220

Наркомвоенмор К. Ворошилов

В ПЕРИОД 1918—19—20 гг. тов. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный комитет партии бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где трещала Красная армия, где контрреволюционные силы грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу, — там появлялся тов. Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и создавал перелом, оздоровлял обстановку.

В начале июня 1918 г. тов. Сталин с отрядом красноармейцев и двумя автоброневиками направляется в Царицын в качестве руководителя всем продовольственным делом юга России. В Царицыне он застает невероятный хаос. Казачьи контрреволюционные банды вскоре захватывают ряд близлежащих от Царицына пунктов и тем самым не только срывают возможность планомерной заготовки хлеба для голодающих Москвы и Ленинграда, но и для Царицына создают чрезвычайную опасность.

1917 год.

Телеграмма за телеграммой летят по проводам к тов. Сталину в Царицын от Ленина и обратно. Ленин предупреждает об опасностях, ободряет, требует решительных мер.

„Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим“,— пишет тов. Сталин Ленину.

Обстановка становилась все более и более напряженной. Тов. Сталин развивает колоссальную энергию и в самое короткое время из чрезвычайного уполномоченного по продовольствию превращается в руководителя всех красных сил царицынского фронта.

МЫ ПОБЕДИЛИ

К этому времени к Царицыну подошли остатки украинских революционных армий, отступающих под натиском германских войск через донские степи.

Во главе с тов. Сталиным создается революционный военный совет, который приступает к организации регулярной армии. Вокруг тов. Сталина объединяется группа старых большевиков и революционных рабочих, и вместо беспомощного штаба вырастает на юге, у ворот контрреволюционного Дона, красная большевистская крепость.

Царицын, в котором еще недавно в садах гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали над всем. Командный и политический состав и вся красноармейская масса начинают чувствовать, что ими управляет твердая революционная рука, которая ведет борьбу за интересы рабочих и крестьян, беспощадно карая всех, кто встречается на пути этой борьбы.

Руководство тов. Сталина не ограничивается кабинетом. Когда необходимый порядок наведен, когда восстановлена революционная организация, он отправляется на фронт, который к тому времени растянулся на 600 с лишним километров.

Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь сбросить красные полки в Волгу. В течение многих дней красные войска, во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения. Нужно было видеть тов. Сталина в это время. Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою напряженнейшую работу между боевыми позициями и штабом

1918 г.

1919 г.

армии. Положение на фронте становилось почти катастрофическим. Красновские части теснили наши измотанные, несшие огромные потери войска. Фронт противника, построенный подковой, упиравшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше. У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью — победить, разбить врага во что бы то ни стало.

И мы победили! Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону.

ВМЕСТО ОТСТУПЛЕНИЯ—НАСТУПЛЕНИЕ

В конце 1918 г. создалось катастрофическое положение на Восточном фронте и особенно на участке 3-й армии, вынужденной сдать Пермь. После шестимесячных бессменных боев, при отвратительно налаженном продовольствии (29-я дивизия пять суток отбивалась буквально без куска хлеба), при 35° морозе, изменах бывших офицеров—3-я армия окончательно развалилась, беспорядочно отступала, проделав за 20 дней 300 километров и потеряв за эти дни 18000 бойцов, десятки орудий, сотни пулеметов и т. д.

Эти события поставили перед ЦК партии вопрос о необходимости выяснить причины катастрофы и привести немедленно в порядок части 3-й армии. Кого послать для выполнения этой труднейшей задачи?

ЦК принимает решение:

„Назначить партийно-следственную комиссию в составе членов ЦК Дзержинского, Сталина для подробного расследования причин сдачи Перми, последних поражений на Уральском фронте, равно выяснения всех обстоятельств, сопровождающих указанные явления".

Тов. Сталин со свойственной ему быстротой и твердостью намечает и тут же проводит в жизнь целый ряд практических мероприятий по поднятию боеспособности 3-й армии.

„К 15 января,—читаем мы в его отчете Совету обороны,—послано на фронт 1 200 надежных штыков и сабель; через день—два эскадрона кавалерии. 20-го отправлен 62-й полк 3-й бригады (предварительно профильтрован тщательно) Эти части дали возможность приостановить наступление противника, переломили настроение 3-й армии и открыли наше наступление на Пермь, пока что успешное. В тылу армии происходит серьезная чистка советских и партийных учреждений. В Вятке и в уездных городах организованы революционные комитеты. Начато и продолжается насаждение крепких революционных организаций в деревне. Перестраивается на новый лад вся партийная и советская работа".

Благодаря этому в январе 1919 г. Восточный фронт перешел в наступление, и на нашем правом фланге был взят Уральск.

ПИТЕР ОСТАЛСЯ КРАСНЫМ

Весною 1919 г. белогвардейская армия ген Юденича, исполняя поставленную Колчаком задачу—овладеть Петроградом и оттянуть на себя революционные войска от Восточного фронта, при помощи белоэстонцев, белофиннов и английского флота, перешла в неожиданное наступление и создала угрозу Ленинграду. Серьезность положения усугублялась еще и тем, что в самом Ленинграде были обнаружены контрреволюционные заговоры. На фронте начались измены. Несколько наших полков перешли на сторону противника; весь гарнизон фортов „Красная Горка" и „Серая Лошадь" открыто выступил против советской власти. Растерянность овладела всей 7-й армией, фронт дрогнул, враг подходил к Ленинграду. Надо было немедленно спасать положение.

Центральный комитет для этой цели вновь избирает тов. Сталина. В течение трех недель тов. Сталину удается создать перелом. Расхлябанность и растерянность частей быстро ликвидируются, штабы подтягиваются, производятся одна за другой мобилизации питерских рабочих и коммунистов, беспощадно уничтожаются враги и изменники. Вот что тов. Сталин телеграфирует Ленину:

1920 г.

„Вслед за „Красной Горкой“ ликвидирована „Серая Лошадь“, орудия на них в полном порядке, идет быстрая... (неразборчиво) всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие „Красной Горки“ с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку“.

Через 6 дней тов. Сталин рапортует Ленину:

„Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой мы остановились, нельзя было—слишком близко до Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново—Воронино—Слепино—Касково. Взяты нами пленные, два или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо, боятся „Красной Горки“, которая теперь вполне наша. Срочно вышлите 2 млн. патронов в мое распоряжение для 6-й дивизии“.

Эти две телеграммы дают полное представление о той громадной творческой работе, которую проделал тов. Сталин, ликвидируя опаснейшее положение, создавшееся под Красным Питером.

В РЕШАЮЩИЕ ДНИ

Осень 1919 г. памятна всем. Наступал решающий, переломный момент всей гражданской войны. Снабженные „союзниками“, поддержанные их штабами, белогвардейские полчища Деникина подходили к Орлу. Весь громадный Южный фронт медленными валами откатывался назад. Внутри положение было не менее тяжелое. Продовольственные затруднения чрезвычайно обострились. Промышленные районы останавливались от недостатка топлива. Внутри страны и даже в самой Москве зашевелились контрреволюционные элементы. Опасность угрожала Туле, опасность нависла над Москвой.

Надо спасать положение. И на Южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС тов. Сталина.

Тов. Сталин застает очень тяжелую обстановку на фронте. На главном направлении Курск—Орел—Тула нас бьют, восточный фланг беспомощно топчется на месте.

Ознакомившись с положением, тов. Сталин немедленно принимает решение. Он категорически отвергает старый план, выдвигает новые предложения и предлагает их Ленину в следующей записке:

„Старый, уже отмененный жизнью план, ни в коем случае не следует гальванизировать,—это опасно для республики, это наверняка облегчит положение Деникина. Его надо заменить другим планом. Обстоятельства и условия не только назрели для этого, но и повелительно диктуют такую замену“...

План Сталина был принят Центральным комитетом. Сам Ленин собственной рукой написал приказание полевому штабу о немедленном изменении изжившей себя директивы. Результаты известны: перелом в гражданской войне был достигнут. Деникинские полчища были опрокинуты в Черное море. Украина и Северный Кавказ освобождены от белогвардейцев.

Следует еще остановиться на одном важнейшем историческом моменте, связанном на Южном фронте с именем тов. Сталина. Я имею в виду образование Конной армии. Инициатива ее создания принадлежит тов. Сталину, который совершенно ясно представлял себе всю необходимость подобной организации. Исторические последствия этого шага хорошо всем известны.

И еще одна характерная особенность выявилась у тов. Сталина совершенно отчетливо на Южном фронте: действовать ударными группировками, избирая главные направления, сосредочивать на них лучшие части и бить врага. В этом отношении, а также в выборе направления он достиг большого искусства.

Когда Врангель под шумок белопольской кампании вылезает из Крыма и создает новую страшную угрозу освобожденному Донбассу и всему югу, Ленин пишет Сталину:

„Только что провели через Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем“...

Тов. Сталин организует новый фронт, и только болезнь освобождает его от этой работы.

В белопольскую кампанию тов. Сталин состоит членом РВС Юго-западного фронта. Разгром польских армий, освобождение Киева и правобережной Украины, глубокое проникновение в Галицию, организация знаменитого рейда 1-й Конной армии — детища Сталина — в значительной степени составляют результаты его умелого и искусного руководства.

В ГОСТЯХ У ОДВА

(Из дневника ленинградских пионеров)

22 ноября 1929 г. Утром встали, позавтракали и отправились в штаб N . . . бригады для беседы с командованием. Там нас просили прийти в 11 часов, а пока мы двинулись в госпиталь.

На позицию.

Нас разбили на 4 группы, и мы начали обход верхних и нижних палат. Я попал в 4 группу, которая отправилась в верхнюю палату, где лежали раненые красноармейцы.

24 ноября, Никольск-Уссурийск. Сегодня мы хоронили 15 погибших. Меня назначили в почетный караул, и я с 8 другими отправился в Дом Красной армии, где мы должны были встать почетным караулом у гробов с убитыми. Мне пришлось стоять два раза по полчаса. Гробы были поставлены в два ряда по стенам зала. Дом открыли для отдания последнего привета погибшим в 10 часов, и он сразу наполнился народом. Торжественно и тихо, молча, проходят красноармейцы, рабочие, с оханием и причитанием старухи, женщины, на хорах гремит оркестр. Запели «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Первый гроб вынесли красные командиры, а затем несла гроб наша делегация. Гробы поставили на лафеты, и похоронная процессия тронулась. Шли долго. Наконец показалось поле, а на нем громадная яма, обнесенная пиками и траурными флагами. Гробы поставили перед трибуной, и начался митинг. Мне больше всего понравилась речь комиссара бригады, он говорил горячо и хорошо. Затем тела предали земле, и воздух разорвало 6 залпов.

25 ноября. В 12 часов мы выехали на грузовике в Полтавку. Ехали часа три до реки Суйфун, там нам пришлось слезть, так как там не оказалось моста. За рекой сразу же попали в село Константиновку, где нас встретил гарнизон, устроили краткий митинг, а затем мы, пересев на подводы, поехали дальше до Полтавки. Дорогой мы все время расспрашивали возчиков, которые толково нам объяснили положение вещей на здешнем участке границы. Поместили нас троих в одной избе, в которой, кроме нас, жили еще 6 красноармейцев. Умывшись, пошли по избам, в которых расположились группами красноармейцы. Нас везде радушно встречали, и мы вели беседы о житье-бытье красного бойца на границе. Вечером отправились в клуб-школу, где был вечер, посвященный 10-летию КИМ'а, нам показали очень хорошую постановку.

26 ноября. С утра отправились к комиссару полка на совещание. Мы решили, что сегодня проведем два собрания — одно батальона, а другое артдивизиона, а потом поедем верхом на границу, чтобы детально рассмотреть китайский город и его окопы — Санчагоу.

Мы поднялись на сопку и в бинокли и в стереотрубу хорошо рассмотрели китайский город, увидели массу окопов, которые черными линиями изрезывают все поля этого города. Затем ездили на заставу, где знакомились с бытом пограничников. Живут они в фанзах, перекроенных на манер русской избы. Все очень довольны, мы ни на что не слышали жалоб. Двинулись дальше и скоро приехали к огневой линии. Там побеседовали с артиллеристами. После обеда в 4 часа было устроено первое собрание артдивизиона. После нас делал доклад о своей поездке к рабочим делегат от дивизии Кушкин. Он очень хорошо рассказывал о том, как встречали их рабочие тех городов, в которые они приезжали. Затем, провели собрание баталиона. Оно прошло еще более оживленно, выступал целый ряд красноармейцев. Они все, как один, заверили нас в том, что наши красные рубежи в надежных руках пограничников.

Авиэтка «Пионерская Правда», сооруженная на средства, собранные ребятами СССР.

30 ноября. Сегодня мы должны провести работу в N полку. С утра, разбившись на две группы, мы на легковой машине двинулись в полк. Там мы снялись с выпускниками полковой школы. Мне досталась группа из 60 курсантов. Я с ними провел хорошую беседу. Мне предложили больше 50 вопросов, на которые я отвечал подробно и обстоятельно. Под конец беседа перешла в задушевную. Ребята спрашивали меня о крестьянских делах, спрашивая и, куда обратиться, в случае если им придется попасть в Ленинград. Сердечно попрощавшись с ними и обменявшись адресами, я ушел от них весьма удивленный огромными политическими знаниями бойцов.

2 декабря. Встав рано утром, наша группа отправилась на пристань, где стоял военный катер, на который мы погрузились. Погода не предвещала ничего хорошего. Не успели мы выйти из бухты — нас стало трепать. У меня голова налилась свинцом. Первым скапутился Васильев, а за ним и остальные. Оба мы легли, пока не отошли. Через 3 часа мы прибыли в Славянку. Часть была построена, и мы провели митинг, после которого расположились в казармах, которые, кстати сказать, превосходны. Мы пообедали в громадной столовой части. Двинулись осматривать казармы, осмотрели лазарет, столовую нач-состава, конюшни и т. д. Все это было очень хорошо сделано, но плохо работала столовая нач-состава: кооперация, которая взяла это дело в свои руки, пока не развернула работу. Затем пошли проводить беседы по подразделениям.

Нас несколько раз принимались качать. После ужина мы присутствовали на вечере, который устраивали тут же в столовой части. Выступали от нас трое, выступали все удачно. Затем красноармейцы начали выступать со своими номерами. Номера были весьма удачны, и мне очень понравились.

3 декабря. Сегодня с утра мы пошли принять участие в передаче знамени части. В комендатуре нам разрешили продемонстрировать взрыв гранаты. Мы взяли гранату и отправились ее взрывать. Зрелище было весьма красивое. Начальник заставы бросил гранату в огород. Раздался взрыв, и над нашими головами просвистели осколки. После обеда мы все ездили верхом. Ночью, на лодках добравшись до катера, мы двинулись домой.

7 декабря. Мы в Хабаровске; утром встали и выехали в части погранотряда. После кратких бесед мы отправились в штаб отряда, где тоже состоялась беседа, а затем, проведя прощальный митинг с полком, отправились к краевому комитету ВКП(б), оттуда мы поехали на корабли флотилии. Стояли они во льдах Амура, молчаливые и мрачные. Мы осмотрели ряд мониторов, каюты, кубрики, башни и пошли в казармы. Осмотрели казармы, пошли пообедали и отправились смотреть трофеи. После этого пошли на вечер. Побыв на вечере до его конца, мы уехали домой, увозя ряд подарков-трофеев.

14 декабря. Ст. Карымская. Сегодня, проснувшись, мы позавтракали из кухни на колесах, затем в автомобилях двинулись на укрепленные позиции китайцев, которые они оставили, посмотрели окопы. Надо сознаться, что китайские позиции были хорошо укреплены, и только героизм Красной армии помог выбить белокитайцев из их блиндажей и окопов. На поле битвы или, вернее, отступления китайских войск валялись снаряды, гранаты, мины, патроны, лохмотья, целые штаны, шапки и масса других вещей, которые китайцы бросали в паническом отступлении. Сейчас блиндажи взорваны. Ездили в N, где провели два митинга, один в N полку, а другой в ар тиллерийском полку. Там нам подарили пику китайского пехотинца.

15 декабря. Сегодня беседа с Блюхером и Доненко—членами Реввоенсовета ОДВА.

Утром выяснилось, что беседа будет не в 11 часов, а в 3 часа. До этого времени часть делегатов пошла организованно осматривать гор. Манчжурию, я сначала итти не хотел, но затем раздумал и примкнул к доктору, фотографу и кинооператору. Втроем мы пошли по городу. На некоторых домах мы встретили фашистские флаги, на многих — японские. Город не представлял собой ничего особенного, и мы, снявшись, отправились к вагону. Сразу после обеда в вагоне-столовой мы встретились с Блюхером и Доненко. У одного из них на груди красовались 4 ордена Красного знамени. Начали беседу мы. В своей ответной речи тов. Доненко приветствовал наш план увековечения памяти героев ОДВА. Блюхер выступил с речью о крае и о об армии. Мне очень понравилось его выступление. Беседа в общей сложности длилась 5 часов, и скоро после ее окончания мы двинулись к Чите.

1921 г.

1922 г.

1923 г.

„ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ОФИЦЕР“...

(Из автобиографии К. Ворошилова)

1925 г.

РОДИЛСЯ я в 1881 г., в с. Верхнее, Екатеринославской губернии. Отец служил сторожем на железной дороге, а мать работала поденщицей.

Отец, солдат николаевской службы, был человеком вольнодумным и весьма своеобразным. Работая на самых тяжелых работах в помещичьих экономиях, рудниках, на железной дороге, он часто менял места службы вследствие скандалов с хозяевами и администрацией. Поэтому с раннего детства пришлось познакомиться с самой горькой нуждой. В один из периодов безработицы отца ходил с сестрой „по миру“. С шести-семи лет пошел на работу выбирать колчедан в шахтах, за что получал по 10 коп. в день. К десяти годам вместе с отцом пас помещичий скот.

В тот же период познакомился на практике с кулаком-мироедом. В одну из очередных голодух нашей семьи (отец исчез в поисках работы) меня взял к себе „в гости“ дед, брат отца, живший в деревне очень богато. Вместо гостя меня обратили в батрака и подвергали в течение года дикой эксплоатации.

Затем я снова в рудниках, уже мальчиком в мастерских. В этот период меня зверски избили работавшие поденно крестьяне соседнего села, придравшись к какой-то глупости, а по сути за то, что меня приняли в мастерскую, отказав одному из крестьян. Случай избиения меня — ребенка — целой артелью взрослых парней остался больным воспоминанием на всю жизнь.

Рос я неграмотным, и это весьма сокрушало мою мать, поставившую целью своей жизни сделать меня настолько „образованным“, чтобы я мог даже читать псалтырь и часослов, как и ее отец (мой дед). Дальше ее мечты не шли. К несчастью, в местах, где мы жили, не было школ. В 1893 г. в с. Васильевка открылась школа, куда я был принят. Учился две зимы и успешно кончил весь „курс науки“.

За два года сменилось три учителя, и последний из них, С. М. Рыжков, оказался прекрасным учителем и воспитателем. Меня С. М. искренне полюбил, и я в семье учителя стал своим, близким.

Учась в школе, 14-15 лет я начал под руководством С. М. читать классиков и книжки по естественно-научным вопросам и тогда же начал прозревать насчет религии.

В 1896 г. я поступил на завод при ст. Алчевская. Работая на заводе, я не переставал читать, а общение с учителем довольно быстро давало ростки. Я умственно и культурно рос.

Однажды, кажется в 1897 или в 1898 г., на завод был назначен полицейский пристав. Отсюда начинается моя политическая работа. Этот полицейский пристав Греков приехал к почтмейстеру, мимо которого проходили мы, подростки, человек 10-15. Все поздоровались с приставом, кроме меня. Пристав был ретив и глуп. Соскочив со скамьи, где он сидел в обществе дам, бросился ко мне с кулаками и требованием объяснить, почему я не поклонился. Я рассмеялся в лицо „начальству“, и он с гневом вцепился в мою рубашку, а я в свою очередь запустил руку за галстук озверевшего сатрапа. Почтмейстер и все мои товарищи исчезли. А я, с легкими, правда, тумаками был водворен в каталажку. На второй день я был освобожден, но преследования начались систематические и настойчивые. Сначала за мной следили „тайно“, а затем стали ходить по пятам агенты пристава. Преследования сделали свое дело: я не только открыто повел разговоры с учителем на политические темы, но уже завел знакомство на заводе и среди учительства.

В 1899 г. в чугунно-литейном цехе под моим руководством забастовали крановщики. Через некоторое время у меня был обыск и кратковременный арест. Вместе со мною подвергся обыску и мой учитель. С. М. Рыжкова вызвали в Питер, кажется, в Министерство просвещения, и требовали прекращения сношения с Ворошиловым.

В течение трех лет я без работы. Все заводы и рудники Донбасса отказывают в работе, я

Наркомвоенмор К. Ворошилов.

значусь в черных списках. В 1903 г. поступаю в Луганске на завод Гортмана, но через 2-3 месяца меня с полицией выдворяют из Луганска. В это же время я официально вступаю в партию и делаюсь большевиком. Вхожу в Луганский комитет. Летом 1905 г. снова удается поступить через Рыжкова на Гортманский завод. В феврале, а затем в июне руковожу на заводе забастовками. Тогда же выбирают меня председателем совета депутатов на заводе. В июле, во время забастовки, меня арестовывают на заводе и, до полусмерти избитого, сажают до декабря в тюрьму. В декабре, по требованию тысячи рабочих, подошедших к тюрьме, освобождают под залог. Вскоре я скрылся от нахлынувшей волны. В начале 1906 г. делегатом еду на Стокгольмский съезд и впервые встречаюсь там с Ильичем.

По возвращении из Стокгольма я усиленно готовил организацию к боевым действиям. Я дважды ездил в Финляндию и привозил большие партии оружия, закупленного у финских революционеров. Луганская организация имела лучшие боевые отряды и прекрасную лабораторию, изготовляющую в неограниченном количестве бомбы. Оставаясь все время председателем депутатского собрания, я был избран предом вновь организованного профсоюза рабочих завода Гортмана. Управление заводом фактически перешло в руки рабочих, и директор завода управлял номинально.

В октябре меня и других должны были судить, но общая забастовка рабочих Луганска сорвала суд. Весной 1907 г. я был оправдан и тогда же поехал на Лондонский партийный съезд делегатом от Луганской организации.

В июле 1907 г. был арестован и в октябре выслан в Архангельскую губернию на три года.

В декабре 1907 г. я бежал из ссылки и был направлен ЦК для работы в Баку. Здесь проработал до осени 1908 г. и уехал в Питер. В Питере был арестован и снова отправлен в Архангельскую губернию. В ссылке был снова арестован, а затем выслан в Медынский уезд.

Освободившись из ссылки в 1912 г., я поступил служить в кооператив рабочих на заводе „Дюмо", но через 3-4 месяца был арестован и выслан в Чердынский край. Из Чердыни освободился в 1914 г. и устроился на Царицынском орудийном заводе. В Царицыне собрал рассеянных по заводам и предприятиям старых большевиков, но вскоре должен был уехать в Питер, спасаясь от царской армии. В Питере снова обыски и слежка.

Военную работу начинаю с отряда, организованного в 1918 г. в марте, под моим командованием дравшегося с немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5-й Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу к Царицыну. На ст. Лихая произошло большое сражение. Наши отряды в панике бежали в направлении Белой, встретив восставших казаков и их пули.

Десятки тысяч изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами, пробивались мои отряды, восстанавливая железнодорожное полотно, на десятки километров снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины.

Через три месяца „группа войск Ворошилова" пробралась к Царицыну, и здесь из нее и других частей была образована 10-я Красная армия, которой мне было поручено командовать.

В конце 1919 г. — член Реввоенсовета 1-й Конной армии.

С 1921 г. — член ЦК РКП(б) и член Реввоенсовета.

За боевые заслуги награжден тремя орденами Красного знамени и высшей боевой наградой — почетным оружием.

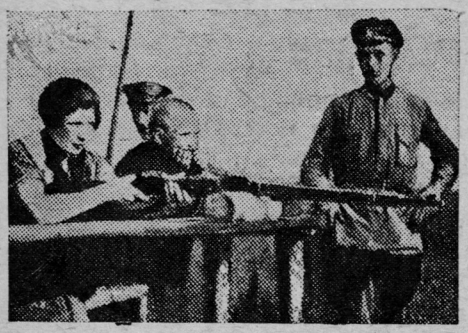
В 1925 г. т. Ворошилов назначается председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром военных и морских дел.

ЛЕНИН О ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Из-за чего же идет эта война, которая несет человечеству невиданные бедствия и мучения? Правительство и буржуазия каждой воюющей страны выкидывают миллионы рублей на книги и газеты, сваливая вину на противника, возбуждая в народе бешеную ненависть к неприятелю, не останавливаясь ни перед какой ложью, чтобы представить себя в виде „обороняющейся" стороны, которая подверглась несправедливому нападению. На самом же деле это есть война между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке.

Англия и Франция врут, уверяя, что ведут войну за свободу Бельгии. На деле они давно готовили войну и ведут ее ради ограбления Германии, отнятия ее колоний. Они заключили договор с Италией и Россией о грабеже и разделе Турции и Австрии. Царская монархия в России ведет грабительскую войну, стремясь к захзату Галиции, к отнятию земель у Турции, к порабощению Персии, Монголии и т. д. Германия ведет войну за грабеж колоний Англии, Бельгии, Франции.

Победит ли Германия, победит ли Россия, будет ли „ничья", — во всяком случае война принесет человечеству новое угнетение сотен и сотен миллионов населения в колониях, Персии, Турции, Китая, новое порабощение наций, новые цепи для рабочего класса всех стран.



ВОЕННАЯ ИГРА 1930 ГОДА

Статья Д. К-ва

„Только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация".
Ленин.

КОГДА пионеры разъезжались со Всесоюзного слета, их провожали московские ребята.

Отъезжавшие говорили москвичам:

— Вам, ребята, повезло на слете: вы получили за военные соревнования знамя Реввоенсовета. Смотрите, крепче держите приз в своих руках, а то мы на будущий год отберем его...

Дело в том, что приз этот переходящий. А это значит, что приз каждый год должен переигрываться, и знамя должно вручаться той пионерорганизации, которая окажется лучше всех по военной работе.

В будущих военных столкновениях едва ли будут передовые фронты и глубокие тылы. Всюду, куда залетит военный аэроплан врага, будет фронт, всюду, куда залетит артиллерийский снаряд, будет место сражения. В оборону будет втянута не только армия, но и все население, хочет оно этого или не хочет, так как аэропланная бомба или снаряд не разбирают — кто из людей военные или штатские. Ребята тоже должны будут принять участие в защите.

И все советские ребята должны знать и уметь: как укрыться от аэроплана, спастись от обстрела, не поддаться панике при нападении врага, как обезопасить себя от ядовитых газов, подать первую медицинскую помощь, поддержать общение и связь с соседними районами.

Всякий трудящийся Советского Союза должен отбывать воинскую повинность, и придет время, когда каждый из ребят пойдет в ряды армии. В армии теперь многое механизировано и машинизировано. Современный боец должен обладать большим уровнем знания и развития, чтобы быстро охватить нужные ему военные знания и навыки. Тут нужно многое знать и уметь.

Предварительная подготовка значительно упростит и облегчит задачу воспитать и обучить такого бойца, которого требуют современные военные техника и тактика.

Приобретение военных навыков требует изучения многих отраслей знания и вообще труда. Моделестроение и обыкновенный ручной труд можно применить и к военным заданиям и целям.

Организованный труд дает лучшие и большие результаты. Наибольшие и наилучшие достижения по различным трудовым заданиям будут при военной дисциплинированности, организованности, точности и аккуратности.

Забота об обороноспособности страны должна быть на первом месте у всякого трудящегося Советского Союза. У ребят должны быть любовь и привязанность к Красной армии. На ее героическом прошлом и на достижениях настоящего должны учиться советские ребята, чтобы воспитать из себя будущего гражданина-бойца.

Военная игра 1930 года будет проводиться с 23 февраля по 25 августа.

Все это время разделяется на три периода. Первый период — с 23 февраля по 1 мая — период подготовительный. В это время будет накапливаться опыт военной работы. На сборах звеньев и отрядов будут проводиться отдельные отрасли военного знания и делаться небольшие вылазки в поле для военных занятий на местности.

Второй период будет с 1 мая по 31 июля. В это время ребята начнут тренироваться в полученных знаниях, вырабатывать такую систему их, чтобы можно было организовать игру с военно-тактическим уклоном. Тут будут вылазки, походы и игры — односторонние или двусторонние.

С 1 по 25 августа будут уже организованы соревнования.

Все это закончится финальными соревнованиями на переходящий приз имени Реввоенсовета СССР. Кроме этого главного приза, на местах будут разыгрываться и местные призы.

Для проведения военной работы и игры необходимо пионерские организации переорганизовать на военный лад. Сделать это придется не на все время, а только на время военных занятий и игр.

Уже не будет звена, отряда, базы, района, а станет отделение, взвод, рота, батальон, полк. Во главе батальонов и полков будут созданы штабы, а в организации этих частей будут входить и различные технические формирования.

Как военные занятия, так и военная игра должны проходить по единому плану и системе.

Изучай военное дело!

КАКОЙ БУДЕТ ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА?

— Скажите, какой будет будущая война? — спросили в одном отряде нашего сотрудника.

— Знаете что, ребята,— ответил сотрудник,— я вам передам ответ на этот вопрос начальника военной академии РККА т. Эйдемана.

СОВЕРШЕННО ясно, о какой войне идет речь. О войне между капиталистическими странами и Советским Союзом. Это будет обостренная классовая война. Буржуазия все время лихорадочно подготавливается к войне, используя каждую нашу слабость в своих интересах. Советский Союз должен быть все время на-чеку, так как мы не уверены, что в самое ближайшее время буржуазия не начнет нападение.

События на Китайско-Восточной ж. д. могут служить подтверждением этой мысли.

Современная война охватывает широкие пространства. Эта борьба не будет, как это было еще в мировой войне, вестись на небольших полосках земли.

Почти все население неизбежно должно будет участвовать в грядущей войне. Так было и в гражданской войне 1918—21 гг. Рабочие и крестьяне Советского Союза поддерживали Красную армию, давали ей добровольцев, боролись в тылу против белогвардейских восстаний, создавали партизанские отряды. То же будет и в грядущей войне...

Мы знаем много случаев, когда даже ребята геройски боролись на фронтах вместе со взрослыми.

Очень изменилась и военная техника. Она действует на очень большие расстояния. Авиация, дальнобойная артиллерия теперь захватили такие районы, которые были раньше тылом. Современная техника растет чрезвычайно быстро. Уже в конце мировой войны впервые появились танки и автомобили для переброски больших войсковых масс, усилились средства огня. Сейчас пулеметов в 10 раз больше, чем было до войны. Появилось новое средство борьбы — химия. Неприятель пускает газ, который, действуя на колоссальные расстояния, уничтожает все живое. Раньше считали, что пехота — это очень простой и несложный род войска. Теперь это неправильно. Пехота тоже машинизировалась, насытилась пулеметами, пехотными пушками, гранатометами.

Раз изменилась техника, изменились и самые военные действия. Раньше солдаты передвигались длинной цепью, причем каждый солдат находился близко друг от друга. Теперь не то. Современные бойцы действуют на поле сравнительно небольшими группами. От бойца требуется большая выносливость, стойкость и твердость характера. Боец часто должен обладать большой самостоятельностью — до умения пользоваться автомобилем и т. д. Конечно, и подготовка современного бойца стала значительно сложнее. Из простых, необразованных парней мы должны воспитать бойца, прекрасно владеющего боевыми машинами.

Боевая машина — вещь серьезная. Она нам нужна, но все же главным и основным остается человек, который управляет этой машиной. Вот здесь-то у нас большие преимущества перед буржуазными странами. В Англии есть много военных писателей (Фуллер), которые говорят, что нужно заменить миллионные массы солдат механизированными танками и т. д.

Буржуазные военные специалисты заботятся не столько о росте самой техники, сколько просто боятся своих войск и не уверены в том, что эти войска будут защищать и умирать за свое государство.

Красная же армия имеет поддержку масс не только своей страны, но и уверенность, что в случае войны пролетариат других стран будет всячески вредить своей буржуазии и помогать нам.

За краткие сроки службы в Красной армии мы сумеем воспитать технически подготовленных бойцов, если только наши ребята будут активно работать и будут использовывать всякие случаи для ознакомления с простейшими боевыми машинами.

Что же должны сделать в этом направлении ребята?

Ребята обязаны иметь крепкую связь с Красной армией. Ходить на экскурсии в казармы, военные лагеря, устраивать у себя вечера воспоминаний старых бойцов — героев гражданской войны.

Ребята должны работать в местных организациях Осоавиахима, пользоваться помощью этого общества для изучения техники военного дела, практиковать военные игры на местности (ориентировка, умение скрыто передвигаться, наблюдение за полем, разведка и т. д.), словом, как говорится, наметывать глаз для полевой работы.

И, наконец, последнее, самое главное, это то, что наши ребята должны воспитывать во всей своей многомиллионной массе постоянную бдительность и внимание к делу обороны и готовность по-революционному и сознательно защищать социалистическое государство.

КОНЕЦ Сунгарийской флотилии

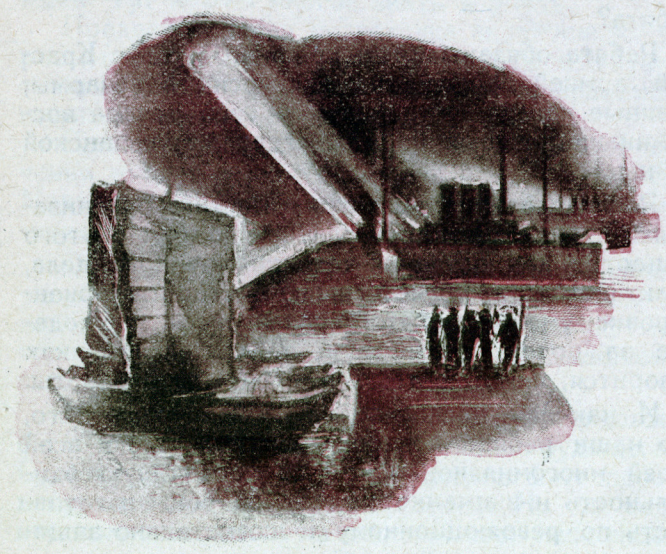
Воспоминания Д-нин. *Рис. Эндриксон.*

КАЖДЫЙ год, когда сходит с Амура пелена толстого льда, начинают курсировать корабли Амурской флотилии от Шилки и Аргуни до Лимана. Наши корабли идут мимо китайских селений. На берег сбегаются жители и почти открыто приветствуют красных моряков. Часто эти приветствия несутся и от людей, одетых в серую форму. Они стоят где-либо за фанзой и, боязливо озираясь по сторонам, машут фуражками.

Совсем изменился китайский берег с началом конфликта на К.-В. ж. д. С лихорадочной поспешностью копаются у селений людские муравейники, роют окопы, воздвигают блиндажи. Китайский берег Амура пестрит черными отверстиями бойниц.

Идем мимо китайского селения. Еще издали слышен звук горна, играющего боевую тревогу. Группами по 5—6 человек перебегают солдаты. Но вот прошел корабль... и еще не скрылось из виду селение, как вылезли из окопов солдаты, расходясь по фанзам. В беспорядке шествуют они к своим квартирам, как попало несут винтовки — прикладами вверх, штыком вниз.

Проходя мимо таких „укреплений“, пароходы зачастую подвергались обстрелу. Шлепнется о крепкую броню корабля выпущенная пуля и отскочит, ударившись о борт и оставив лишь след содранной краски.



— Опять дали, черти, работу,— ворчит кто-нибудь,— изволь снова крепить.

— Эх, садануть бы! — в сердцах отвечают другие.

Среди массы солдат видишь и русских белогвардейцев. Они не скрывают своего присутствия. Вслед уходящему кораблю, в бессильной злобе, потрясают они кулаками.

Иногда бандиты, преимущественно из белогвардейцев, перебирались на русский берег, обстреливали погранзаставы, нападали на прибрежные села, но здесь „дорогим гостям“ оказывался должный прием, и редкие счастливчики из них перебирались обратно за Амур.

В устье Сунгари — стоянка китайской военной флотилии. Здесь же и город Лахасусу. Кильватерной колонной, одно судно за другим, растянулась флотилия вдоль устья Сунгари. Гордость китайского флота — крейсер „Киян-Хин“,— возглавляет колонну. У этого крейсера — высокие борты, но мелкокалиберная артиллерия, и ни одно орудие когда-то сильного, купленного у немцев старика не может состязаться по своей дальнобойности и поражаемости с советскими кораблями Амурской флотилии.

За „Киян-Хином“ скромнее расположены китайские канонерки: „Ли-Су“, „Ли-Дзи“ и пестрая группа вооруженных пароходов.

Между пароходами снует взад и вперед мотор с адмиральским флагом. Берег усеян пестрой массой солдат и вольных граждан, возводящих укрепления.

До поздней ночи копошатся они на берегу, суетливо к чему-то готовясь, они не замолкают и ночью. В ночной темноте мелькают иногда огоньки „переговаривающихся“ между собой постов. Прожекторный луч пытается перескочить на Амур, но рассеивается, не доставая намеченного места.

В самый Амур мысом врезается китайский берег. Даже невооруженным глазом видишь все, что делается на берегу.

Здесь сооружен центральный пост наблюдения. На одиноко возвышающемся в стороне большом дереве сделан помост, на нем среди редкой листвы восседает китайский офицер. Целые часы он проводит на дереве, изредка лишь отрываясь от бинокля.

Укрепляя берега, китайцы не забыли закрыть и вход в Сунгари, 3—4 десятка мин пустили они для охраны устья, но плохими минерами показали себя китайские моряки. Ставя минные поля в высокую воду, они не учли спада воды. Убыла вода, и на поверхности реки зачернело несколько ощетинившихся колючками шариков. Частенько китайцы пускали по течению пару, другую мин, запрятав их для маскировки в мешки, но ни одна из пущенных мин не достигла своего назначения. Флотилия зорко следит за врагом.

В один из морозных октябрьских предутренников враг начал обстреливать стоящие у Сунгари советские корабли.

Начинают рваться снаряды, некоторые над самым кораблем, другие—рядом с ним. Дождем на палубе посыпалась картечь. Однако беспомощны снаряды. Не пробивается крепкая броня.

Оглушающе грянули в ответ пушки Амурской флотилии.

Снаряд за снарядом выбрасывают орудия. В сплошной рев сплелись отдельные выстрелы. Вспыхивавшие вверху облачка да поднимавшиеся огромные столбы воды показывали места попадания и разрыва снарядов.

— Пол меньше.

— Один правее.

— Беглый огонь.

Это значит, что уже нащупан корабль противника, и командир-артиллерист перешел на поражение.

Клубы черного дыма, огня и пара окутывают один из военных китайских кораблей. Это—ответ начавшим стрельбу. В кочегарку попал и взорвался наш снаряд. Корабль противника погружается в воду. Сунгари принимает в свои объятия еще недавно так гордо разгуливавшего „храбреца".

Но не прекращает огня китайская флотилия. Снаряд за снарядом продолжает она посылать к советским кораблям.

Тогда зажужжали наши гидросамолеты. Реют стальные птицы над судами и укреплениями.

Замысловаты выкрутасы стальных птиц. Он быстро снижается, сбрасывает бомбы и опять забирает высоту. На крыло ложится птица, делая крутой поворот. Низко над кораблем реет возвратившийся самолет, сбрасывает в воду в специальных бутылках донесения. Опять забирает высоту и отправляется за новым запасом бомб. Под артиллерийским прикрытием судов флотилии на берег высаживается десант Красной армии.

Меток огонь советских кораблей. И вот идут на дно за своим собратом канонерка „Ли-Су" и четыре вооруженных парохода. Прекратила свою стрельбу и китайская пловучая батарея с двумя 120-миллиметровыми орудиями. Выбрасывая клубы черного дыма, удирает „Ли Дзи". Несколько снарядов досталось и ей: она не может даже отстреливаться.

А на берегу наступают части Красной армии. Уже выбиты китайцы из первых, хорошо укрепленных позиций. Уже отступают, отстреливаясь, части противника. С тылу обходит их наша вторая группа. В полукольце сжаты неприятельские отряды. Прочной линией замыкает их полукольцо Сунгари. Противник отступает к реке, в его рядах — паника.

К самой реке, на отлогий берег, группами прыгают не желающие сдаваться. Беспорядочным огнем продолжают они осыпать наш наступающий десант.

Пятнадцать—двадцать шагов отделяют обе стороны. С визгом, рассекая воздух, летят по белобандитам гранаты.

Славно рвутся советские „бутылки". Не выдерживают натиска прижатые к реке. Сдаются. Лишь офицеры, не желая сдаваться, бросаются в Сунгари, направляясь к противоположному берегу.

Город занимают красные части. Вот и устье Сунгари. На поверхности кое-где выглядывают ощетинившиеся рожками мины.

Минное поле закрывает вход.

Пара тральщиков, замедлив ход, осторожно „шагает", подсекая тралом мины. Мины взрываются, выбрасывая громадный столб воды, перемешанный с илом и галькой.

(Окончание на стр. 15).

КАК нам жить в социалистическом ГОРОДЕ?

Н. К. Крупская

ТЕСНЕЕ СВЯЗАТЬ СО ВЗРОСЛЫМИ

Общественное воспитание не должно быть делом каких-то „классных барышень", как выражался Ильич, каких-то стоящих в стороне от кипучей борьбы и жизни педагогов; оно должно быть делом самих трудящихся масс. Когда Владимир Ильич говорил о советской школе, он не даром сказал, что она должна итти по пути к социализму „вместе со своим освобожденным от цепей рабства народом".

Все время, 12 лет, толковали мы о том, что школы, детдома и все детучреждения не должны быть чем-то замкнутым, оторванным от жизни. Мы старались составить школьные программы так, чтобы как можно теснее связать их с жизнью. В программе партии говорится о советах народного образования. Через школьные советы, через секции народного образования мы хотим втянуть рабочих и работниц, основную крестьянскую и особенно колхозную массу в работу над воспитанием ребят, а нам предлагают отсылать детей в детские городки.

Так понимали некоторые общественное воспитание в начале революции. Мы имеем горький опыт с детдомами, которые часто соскальзывали на путь закрытых учебных заведений. Мы знаем, к чему это приводило.

Мы должны стремиться создать такие формы общественного воспитания детей, которые не вырывали бы детей из-под влияния рабочей и колхозной среды, не отрывали бы детей от родителей, но в то же время устраняли бы зло теперешнего воспитания.

ДЕТСКИЕ СЕКТОРЫ

Мы заводим при жактах детские комнаты. Это частичка того, что надо делать. Во вновь строящихся домах надо строить не детские комнаты, а детские этажи, или детские секторы. Самую лучшую часть дома, самую светлую, выходящую на солнечную сторону, с верандой, надо отводить для ребят; надо детский сектор, детскую часть дома строить особенно обдуманно: ясли, детский сад, комнаты для школьников, где бы они могли заниматься, читать, рисовать, петь, бегать, играть, мастерить, что им надо, где бы они могли организоваться, где бы они получали нужное руководство. Необходимо дежурство отцов и матерей. Надо, чтобы можно было в свободное время побыть с ребенком, поговорить с ним и пр. Детский сектор должен постепенно превращаться в детское общежитие. А родители, на глазах которых будет происходить воспитание их ребят, будут учиться делу воспитания.

Детские секторы, детские общежития, где дети будут и питаться и получать нужный уход, будут раскрепощать женщину. Дети перестанут быть для нее обузой. Будут складываться новые отношения между отцами и детьми.

НЕ ПРИЮТЫ, А ОБЩЕЖИТИЯ

Конечно, нужны детские общежития и вне больших домов. Много есть ребят, приезжающих учиться из деревни в город; много есть ребят, родители которых на время уезжают; есть ребята, у которых в живых только отец или мать-вдова выходит замуж, — для таких детей нужно также общежитие. Не детдом, не приют, а именно общежитие. Сейчас приезжающие из деревни ребята с трудом находят квартиру, нанимают кухарку, живут кое-как. Надо помогать им устраиваться как следует.

Все это надо предвидеть при стройке новых городов.

На ряду с детскими общежитиями надо строить школы. Как? Вполне выработанных, мотивированных планов больших школ у нас еще нет. Их надо немедля создать. Всесторонне обсудить. Надо приблизить школы к производству, к предприятиям, надо иметь и в самих школах мастерские. Все это должно быть продумано хорошенько. Сейчас, когда индустриализация страны, перестройка сельского хозяйства на коллективистических началах создают условия для политехнической школы, необходимо особенно тщательно продумать план стройки новых школ. Нельзя строить школы, рассчитанные только на книжную учебу.

Надо строить во вновь строящихся домах детские секторы, надо строить новые школы. Надо шить новую одежду новому быту и новой школе; из старой одежды они уже выросли.

1930 г.

ШКОЛА СТРОИТЕЛЕЙ

Очерк Н. Краснопольского

На праздник двенадцатой годовщины Октябрьской революции в одну из красноармейских коммун Белорусского военного округа приехали рабочие из Чехо-Словакии. Коммуна была организована прошлой осенью отпускниками-красноармейцами 5-й Стрелковой дивизии, а эта дивизия имеет своими шефами пролетариев Чехо-Словакии.

Осмотрев коммуну, один из зарубежных гостей сказал так:

— Знаете, товарищи, вот только сейчас я понял, как надо строить социализм. Только сейчас я понял, что Красная армия—лучшая школа жизни. Она, стоя на защите революции, непосредственно строит социализм, создавая красноармейские коммуны и колхозы.

Вот что поразило нашего зарубежного гостя. Но для каждого трудящегося нашей страны давно ясно, что иначе и быть не может.

Прошлой осенью увольнялись в долгосрочный отпуск красноармейцы 1905 г. рождения. За два года службы Красная армия подготовила из них и послала в деревню 30 000 колхозников, 9 000 трактористов, 6 000 работников низового советского аппарата (милиционеров, секретарей и председателей сельских советов и т. д.), 3 000 кино-радиомехаников, 2 000 избачей и т. д.

В этом году Красная армия должна дать стране не меньше 110 000 деревенских активистов. В том же Белорусском военном округе воинские части заключили договор с Наркомземом Белоруссии дать осенью тысячи новых работников трактористов, колхозных организаторов, шоферов, мастеров для ремонта сельскохозяйственных машин, животноводов, электромонтеров и т. д. А таких округов, как Белорусский, у нас десять!

Скучные цифры? Что же делать. Надо уметь за этими сухими цифрами почувствовать живых людей. Вот красноармейская коммуна 134-го полка на Дальнем Востоке. Людей немного—всего 25 семей. Осенью 1929 г. приехали в Приморье. На месте кое-где уже были мелкие крестьянские артели и колхозы. Красноармейцы предлагают:

— Объединиться в один колхоз...

— Да как же так? Непривычны мы, чтобы сразу в коммуну. Давайте сперва в артель,—говорят старожилы.

— Это что же, назад пятиться? Раз коммуна, так коммуна. Надо сразу становиться на высшую ступень коллективизации.

Спорили долго. Красноармейцы ходили по дворам, использовали каждый случай для агитации за коммуну—и вот выросла большая коммуна на 20 000 *га*.

Другой конец СССР—Белоруссия. На Марьинские болота приехали 150 красноармейцев-отпускников строить коммуну. По соседству—небольшой колхоз из бедноты деревни Кузьмичи. Красноармейцы в своей коммуне вспахали 600 *га*, раскорчевали болото, надумали строить кирпичный завод на миллионы штук кирпичей в год.

В Кузьмичах—хорошая глина. Красноармейцы сговорились с кузьмичевскими колхозниками: коммунары строят кирпичные сараи, кузьмичевцы готовят к весне глину, а кирпич делать будут вместе. Не пошло сперва дело. Трудно крестьянину, веками работавшему в одиночку, заняться работой сообща. На собрании все согласны, а как дойдет до дела—не клеится. Наконец на одном из собраний кузьмичевские колхозники заговорили:

— Спайки еще у нас мало. Организаторов нет. Вот дайте ваших ребят—дело пойдет.

Пришлось коммунарам выделить из своего состава кирпичную бригаду из 5 человек,—и дело пошло на лад. Это было 5 ноября прошлого года. К новому, 1930 г., я получаю такое письмо из этой красноармейской коммуны:

«Начиналось дело с насмешек по нашему адресу, а кончилось тем, что мы завалены заявлениями о приеме из всего Бобруйского округа. На сегодняшний день мы разобрали 156 заявлений и приняли 15. Отказываем потому, что нет у нас помещений для жилья, и советуем организовать у себя колхоз. В Кузьмичах колхоз вырос до 75 семей, уже свели в общественные сараи весь скот и думают перейти на устав коммуны. В Нижине мы организовали колхоз в 140 хозяйств, в Забервечье и Дубровице объединили в колхоз всех хуторян, в Лиственках тоже начинаем организацию коллектива. Все эти колхозы мы сгруппировали вокруг себя в кустовое колхозное объединение с площадью в 16 000 гектаров».

Пулеметная команда.

1926 г.

Посмотрите анкеты деревенских активистов и низовых работников — секретарей и председателей сельсоветов, кооператоров, избачей — почти у каждого в графе «военная подготовка» найдете — «служил в Рабоче-крестьянской Красной армии».

... Глухой угол Приуралья. Призыв. Тянутся на сборные пункты новобранцы-удмурты (вотяки). По-русски говорят плохо. Городской жизни боятся. Поехали в часть. Дорогой один новобранец-удмурт — Денисов — отстал: парень вышел на станцию за кипятком, его двое жуликов завели в глухой угол, оглушили палкой, обобрали и бросили. Поезд ушел. Новобранец побоялся итти в ГПУ или военный комиссариат:

— Не поверят. Засудят.

Парень не понимал, что в Красной армии — не в царской, что в Красной армии за ошибку или несчастье не наказывают.

Денисов знал, что ему надо ехать в часть через Москву и дальше. И пошел пешком, по шпалам. Шел недели три. В части удивились:

— А мы уже считали, что ты дезертировал.

— Как можно? Учиться желаю...

Денисов попал в удмуртскую национальную роту.

— В полковую школу надо послать,—решил командир роты:—человек с характером. Поучится, освоится с порядками в армии — хороший командир выйдет.

Денисов оказался твердым парнем. Учиться было тяжело, непривычные русские слова трудно укладывались в голове. Денисов сидел вечерами за книжкой, исписывал каждый клочок бумажки каракулями для «практики в письме».

Наконец Денисов — отделком. В роте — он первый безбожник. Когда проводят политигру, когда для практики организуют примерное заседание сельсовета, когда ставят общественный суд над стенной газетой или разгильдяем, самоотлучником — Денисов самый активный парень.

Денисов отслужил свой срок, вернулся в деревню. И там — будничная, мелкая работа. От безделья зимой парни пьют, хулиганят. Денисов идет пешком за 30 *км* в город, покупает на свои деньги две сотни патронов к призовой своей мелкокалиберной винтовке и в первое же воскресенье удивляет деревню афишей:

1928 г.

— Сегодня в овине состоится призовая стрельба по Чемберлену.

Молодежь собирается в овин — занятно. После стрельбы Денисов записывает 5 человек в стрелковый кружок. Эта пятерка понемногу обрастает молодежью. По старой памяти Денисов на собранные по пятакам 4 рубля выписывает журнал «Красноармеец и Краснофлотец».

Денисов бегает в райком, хлопочет, достает из районного бюджета червонец, на собрании

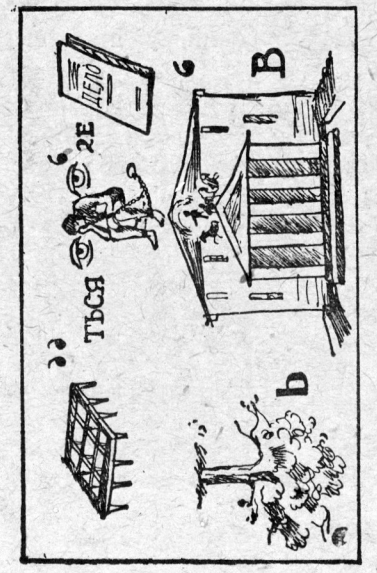
Час политграмоты.

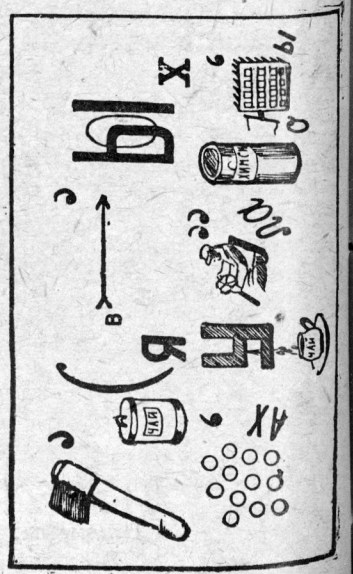
добивается, чтобы из средств по самообложению уделили денег на избу-читальню — и вот к осени в хате Денисова открывается первый деревенский «клуб».

«Спасибо вам, товарищ политрук, — пишет в часть Денисов через год после увольнения:—через Красную армию наша деревня свет увидела. Нынче пришел еще один отпускник-пулеметчик. Веселей вдвоем стало. Думаем, вот, организовать артель, чтобы сообща пахать и сеять землю без межей. Очень вас просим, товарищ политрук, скажите нашим удмуртам, чтоб лучше учились — без этого сейчас жить нельзя. Колокола с церкви мы сняли и церковь думаем отобрать под клуб Будем совсем, как в городе».

Таких Денисовых каждый год дает стране Красная армия десятками тысяч. Вот из таких Денисовых, незаметно делающих большое дело, складываются сухие цифры: 9000 трактористов, 2000 избачей, 3000 кино-радиомехаников и т. д

РАЗГАДАЙТЕ РЕБУСЫ





ПИОНЕРСКАЯ БРИГАДА

Мы — пионерская бригада—
Знаем, как работать надо,
По деревням, по селам
Помогаем беднякам.
Чтоб крестьяне и колхозы,

И коммуны, и совхозы,
Чтоб они все не проспали
И работать лучше стали,
Разбудим их заранее
К посевной кампании.

Деткор Бейлин

КОНЕЦ СУНГАРИЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ

(Начало см. на стр. 10)

Продвигаемся вслед за тральщиками, благополучно минуем минное поле. Вот и рейд города. Одни лишь разбитые, обуглившиеся остатки представляют собой начавшие стрельбу китайские корабли. На одной из подбитых и выброшенных на берег канонерок продолжает висеть на фоке боевой флаг. Полощется развеваемый ветром флаг на корме. Всюду — следы панического бегства. В стороне горит вооруженный пароход. Клубы черного дыма и пара. Он выбросился на мелкое место. У остальных потопленных кораблей возвышаются над водой лишь мачты да кончики дымовых труб.

Выше по реке, в стороне от своих собратьев, у крутого берега, нашел себе могилу вооруженный морской буксир. Кончик высоко поднятого вверх орудия высовывается из воды. Покосилась и подбитая труба. Накренилась и мачта с подбитым марсом.

У берега длинной вереницей — баржи с углем и снарядами. На стоящей впереди барже два 120-миллиметровых орудия. Это — пловучая батарея, совершенно исправная. Она покинута удравшими. Даже снаряды поданы для стрельбы к самым пушкам.

У берега — еще десяток брошенных военных шлюпок: на них удрали с тонувших кораблей. В центре — адмиральский вельбот с кормовым флагом самого адмирала Шена—командующего флотилией.

На берегу—разрушенные траншеи и блиндажи.

Покинутой оказалась совершенно исправная батарея в 4 орудия. Шагах в 50 валяются орудийные замки. Кто-то пытался унести их, да бросил.

Город пуст. Лишь кое-где замечаешь робко выглядывающих китайцев. Понемногу любопытство берет верх, и на улицах начинают показываться фигуры. Население стало доверчивее, когда из военных складов начали раздавать муку бедноте. Целые толпы осаждают склады. Довольные и улыбающиеся, уходят они, сгибаясь под тяжестью мешков.

В страхе закрывают руками лицо раненые китайские солдаты при приближении к ним санитаров. Некоторые пытаются притвориться убитыми. Видимо, офицеры провели среди солдат „политпросветработу“ внушив, что „красные в плен не берут и всех добивают“.

Теплым вниманием окружают краснофлотцы еще недавних „врагов“. Угощают солдат чаем и папиросами, разъясняют им сущность и политику Советского Союза.

Заулыбались солдаты. Хватают за руки краснофлотцев, обмениваясь рукопожатиями. Нашлись и понимающие немного русскую речь.

Обводя взглядом группу пленных, встречаешься и со злобно высматривающими исподлобья глазами. Это китайские офицеры, сдавшиеся в плен. Они пытаются слиться с массой, они сорвали свои погончики, сбросили свои офицерские фуражки. Но глаза выдают их, и они потупляются встречаясь взглядом с краснофлотцами.

ПЯТЬ В ЯБЛОЧКО

Рассказ В. ЗАБАЙКАЛЬСКОГО
Рис. Цельмер

СЗАДИ за лагерем, где начинался простор полей, помещалось стрельбище. Огромная площадь с коротко остриженной травой была отмечена красными флажками, воткнутыми в землю. В конце ее выстроились в ряд белые квадраты мишеней с черными, вдавленными друг в друга кольцами.

Командир взвода разбил ребят на три смены.

— Всем вам дам сто очков,— хвастливо говорил Петухов, молодцевато потряхивая винтовкой.

— С чего это ты расхрабрился?

— А вот я знаю, что все пять попаду.

— Смотри, не отправь за молоком...

— Смена, на линию огня!— скомандовал командир взвода.

Первая смена, в которую вошел Петухов, Ковальчук, Сережа Маленький и еще шесть воспитанников, заняла позицию у вала.

— По мишеням постоянно... стрельба лежа... одиночно... пять патронов!..— командовал комвзвод.

Ребята четко и быстро выполняли команду. Девять фигур в ряд растянулись на мягкой траве, положив винтовки на небольшой земляной бруствер. Защелкали затворы. Ребята торопливо вставляли обоймы.

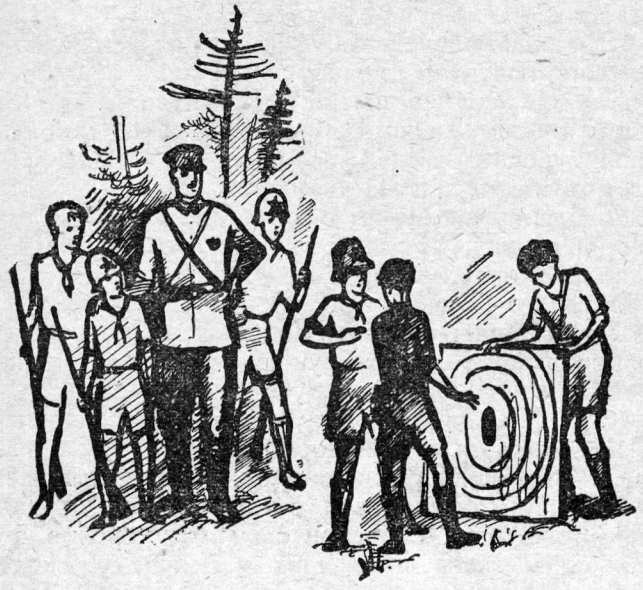
— Начинай!— нараспев крикнул комвзвод.

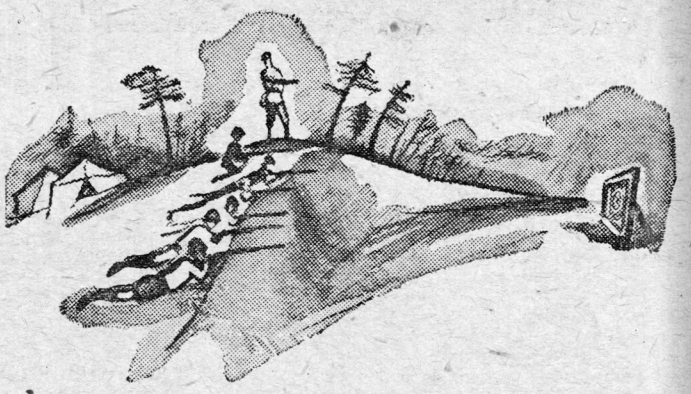
— Грибов, не торопись, не дергай... Попрежнему неисправимый „дергунчик".

„Дергунчиками" и „дергунами" назывались стрелки, у которых нехватало выдержки. Они, правильно взяв цель на мушку, быстро дергали за спуск; от резкого движения винтовка вздрагивала, цель сбивалась с мушки, и пуля отправлялась „за молоком", т. е. улетала в пространство. Обычно все новички бывают „дергунами", пока не научатся плавно нажимать на спуск.

— Не торопись, Грибов,— еще раз сказал комвзвод и отошел.

Теперь гулкие хлопки выстрелов раздавались чаще.





Хваставший своей меткостью Петухов сосредоточенно целился, нажимал курок и, передернув затвором, вновь целился.

Первым поднялся Грибов.

— Уж отстрелялся?— удивился комвзвод.

— А что ж долго-то возиться,— конфузливо буркнул Грибов.

Вскоре поднялся Сережа Маленький, Ковальчук и еще несколько ребят.

На позиции остался один Петухов.

— Наверное, последний патрон,— сказал комвзвод. Но Петухов, передернув затвор, начал опять целиться.

— Стрелял, стрелял и еще не все,— удивился командир взвода.

А Петухов, выстрелив, целился снова.

— Да что у тебя, десятизарядная, что ли, винтовка-то,— пошутил комвзвод, когда Петухов дослал в ствол новый патрон.

Наконец отстрелялся и Петухов.

— К мишеням, бегом... арш!

Ребята стремительно сорвались с места и помчались через поле к мишеням. Комвзвод, придерживая рукой подпрыгивающий на боку наган, побежал за ребятами.

— Раз... два... два... три... три...— считал Сережа Маленький, ползая глазами по своей мишени. Из черных колец мишени маленькими глазками глядели три сквозных отверстия.

— У меня три попадания!— крикнул Сережа Подошедший комвзвод отметил в блокноте попадания Сережи и ласково потрепал его по плечу.

— Молодец, прекрасный результат.

Ребята у других мишеней старательно проверяли каждый квадратный сантиметр мишенных щитов, пытаясь найти еще одну дырочку.

Один Грибов безучастно стоял у своего щита и, запрокинув голову, следил за облаками.

— Что, свои пули ищешь?— шутливо спросил Грибова подошедший комвзвод. Он беглым взглядом уже определил результаты стрельбы Грибова. Мишень была без всяких поражений,— ни одна пуля Грибова не задела ее.

Комвзвод против фамилии Грибова в блокноте поставил жирный ноль.

Грибов постоял еще секунду, почесал в затылке и ленивой походкой пошел от мишеней.

Теперь комвзвод заинтересовался поведением Петухова. Тот стоял у своей мишени и считал попадания. Сосчитав, он снова начал считать, затем чесал в затылке, ерошил волосы, усиленно сморкался и снова считал.

Подошедший к нему Ковальчук разразился хохотом.

— Ребята, Петухов на 150% выполнил задание!— крикнул Ковальчук.

— Что?

— В чем дело?

Ребята обступили Петухова.

— Из пяти пуль Петухов имеет семь попаданий,— разъяснил Ковальчук.

Подошедший комвзвод осмотрел мишень. Действительно, в щите было семь пробоин.

— Как же получилось?— спросил он у Петухова.

— Не... знаю,— смущенно пробормотал Петухов.

— Вот это попадание!..

— Сверхметкость...

Ребята наперерыв поздравляли Петухова, а тот краснел, сморкался и, наконец, рассердился:

— Да ну вас к чорту...

— Больше пяти попаданий не может быть,— сказал комвзвод,— откуда еще два?

— А я почем знаю,— отрезал Петухов.

— А я знаю,— настойчиво добивался своего комвзвод.—У тебя, Петухов, были лишние патроны. Все имели по пяти, а ты, чтобы иметь больше попаданий, расстрелял больше пяти патронов, так?

Петухов молчал.

— Ну, сколько же патронов ты расстрелял?

— Три обоймы,— буркнул Петухов, опуская голову.

— Из пятнадцати пуль семь попаданий — это не плохо,— сказал комвзвод,— но скверно, что ты хотел своим товарищам втереть очки.

Ребята начали смеяться.

— Снайпер[1],— определил Ковальчук.

Петухов, пристыженный товарищами, все время молчал.

— По местам бегом, арш!..—скомандовал комвзвод.

Ребята бегом пустились ко вторым сменам, а комвзвод деревянными колышками стал затыкать пробоины в мишенях.

Во второй смене было два лучших стрелка — Ковалев и Драгомиров.

Ребята второй смены все отстрелялись, а Ковалев и Драгомиров успели выпустить только по две пули.

Они методично целились и плавно нажимали на спуск. Комвзвод одобрительно следил за ними.

— Учитесь у них,— вполголоса бросил он ребятам третьей смены, ожидавшим своей очереди.

— Ковалев, не сдавай!— крикнул отстрелявший Болотный.

Комвзвод строго посмотрел на него, и мальчишка умолк.

Ковалев выпустил последний патрон и поднялся. Драгомиров продолжал целиться. В последний раз он нажал на спуск, выкинул пустую гильзу и встал.

— Смена, к мишеням бегом!— скомандовал комвзвод, и ребята второй смены бросились к своим мишеням.

— Четыре из пяти,— одобрительно отметил комвзвод попадания Ковалева.

— А у меня шесть!— удивленно выкрикнул черноволосый Круль.

— Опять петуховская история,— поморщился комвзвод.

— Да это-ж моя мишень,— подбежал к Крулю Драгомиров.

— Нет, моя...

— Да я же сюда стрелял,— чуть не со слезами уверял Драгомиров.

— Ты который был по счету?— спросил Ковалев Драгомирова.

— Шестой.

— Шестой, а это пятая мишень, твоя рядом...

— В шестой мишени ни одного попадания!— крикнул с места Болотный.

— Этого быть не может, Драгомиров прекрасный стрелок,— определил комвзвод,— а то, что в пятой мишени лишняя пуля доказывает, что Драгомиров стрелял в пятую мишень вместе с Крулем.

— В таких случаях делается так,—продолжал разъяснять комвзвод:— количество попаданий делится пополам.

Таким образом, у Драгомирова и Круля по три попадания.

— У меня все пять попаданий, а у Круля одно,— говорил Драгомиров.

— Ну нет, на три попадания я согласен, а на одно ни за что,— окрысился Круль.

— Надо перестрелять,— предложил Болотный.

— Стрельба правильна, перестреливать не будем, а что касается Ковалева и Драгомирова, это их дело, они могут сами решить спор.

Комвзвод хитро сощурил глаза.

— Я вызываю Ковалева на соревнование по стрельбе,— крикнул Драгомиров, уловивший мысль комвзвода.

— Принимаю вызов,— отозвался Ковалев.

— Ну, вот, я буду вас судить,— засмеялся комвзвод.

— Держу за Ковалева!— крикнул Круль.

— За Драгомирова!— отозвался Болотный.

Ребята разделились на две группы: одни поддерживали Ковалева, другие — Драгомирова.

— Ну, вот вам и соревнование,— опять засмеялся комвзвод.

— Стрельбу назначим через две недели, а сейчас по местам марш...

[1] Снайпер — очень меткий стрелок.

ПЕРВЫЙ УБИТЫЙ

Недавно в Германии вышла книга Ремарка „На западном фронте без перемен". В некоторых странах она была запрещена. Ремарк рассказывает о судьбе маленького отряда немецких гимназистов, которых на войну погнал школьный учитель своим призывом к их патриотической чести. Читаешь его книгу, сжимая кулаки и чувствуя, как спазмы подходят к горлу и горячая кровавая ненависть — к сердцу. Коммунистическая пресса Германии сказала автору: „А ты их все-таки предал, Ремарк, твоих товарищей, гниющих на полях Франции, ибо ты не зовешь на бой против тех, которые их погнали на смерть. Мертвых оплакиваешь, живых не зовешь!"

Я ЛЕЖУ, согнувшись, в большой воронке, по пояс в воде. Когда начнется атака, я погружусь в воду так, чтобы только не захлебнуться, а лицо вымажу грязью. Я должен представиться мертвым.

Внезапно я слышу, как огонь переносится назад. Я тотчас же погружаюсь в воду, сдвигаю шлем совсем на затылок. Рот держу над самой водой, чтобы можно было дышать.

Затем я замираю в неподвижности, потому что где-то раздается шум, топот приближается, все внутри меня леденеет. Но шум удаляется: первый отряд прошел. В моем мозгу бушевала только одна мысль: „Что ты сделаешь, если кто-нибудь прыгнет в твою воронку?" Я быстро выхватываю маленький кинжал, крепко держу его и прячу вместе с рукой в ил. „Если кто прыгнет в мою воронку,— бьется у меня в мыслях,— я сейчас же проколю ему горло, чтобы он не успел закричать. Иначе нельзя. Он будет так же испуган, как и я, и уже от одного страха мы накинемся друг на друга. Поэтому я должен быть первым"...

Чье-то тело тяжело и громоздко падает ко мне в воронку, скользит и наваливается на меня.

Я ни о чем не думаю, не принимаю никаких решений — я бешено набрасываюсь на него и только чувствую, как тело содрогается и затем обмякает и валится, как мешок. Когда я прихожу в себя, моя рука клейка и мокра. Тот хрипит. Мне кажется, что он мычит. Каждый его вздох подобен крику, грому, но это только мои жилы, в которых так стучит. Мне бы хотелось зажать ему рот, забить его землей, еще раз ударить: он должен лежать тихо, он предает меня, но я уже настолько пришел в себя и внезапно настолько ослаб, что уже не способен поднять на него руку.

... Наступил светлый, серый, ранний день. Хрип все продолжается. Я зажимаю уши, но скоро опять отнимаю пальцы, так как иначе я не услышу ничего другого.

Фигура напротив меня шевелится. Я вздрагиваю и непроизвольно смотрю в ее сторону. Теперь мои глаза словно пригвождены к ней. Рядом со мной лежит человек с небольшими усиками, голова откинута в сторону. Одна рука наполовину согнута, на нее бессильно оперлась голова. Другая рука лежит на груди, она в крови.

„Он мертв,— говорю я себе,— он должен быть мертвым, он больше ничего не чувствует; то, что там хрипит, это только тело".

Однако голова пытается подняться, стоны на мгновение усиливаются, затем лоб опять опускается на руку. Человек не мертв, он умирает, но он не мертв. Я придвигаюсь к нему, останавливаюсь, снова придвигаюсь немного ближе, еще, еще... Страшный путь, в три метра, длинный, ужасный путь! Наконец я около него.

Вот он открыл глаза. Он, вероятно, услышал меня и смотрит на меня с выражением безумного ужаса. Тело лежит неподвижно, но в глазах такое необычайное желание бежать, что мне одно мгновение кажется, что у них хватит сил, чтобы увлечь за собой все его тело, унести его на сотни километров отсюда одним прыжком. Тело неподвижно, совершенно спокойно, теперь беззвучно, хрип замолк, но глаза кричат, ревут, в них сосредоточена вся жизнь в неизъяснимом усилии бежать, в ужасном отвращении перед смертью, передо мной.

Я падаю на колени и опираюсь на локти.

— Нет, нет! — шепчу я.

Глаза следят за мной. Я не в состоянии сделать ни одного движения, пока они здесь.

Вот его рука медленно падает с груди, только на небольшое расстояние, она опускается на несколько сантиметров, но это движение разрушает власть глаз. Я нагибаюсь вперед, трясу головой и шепчу:— Нет, нет!— Я поднимаю руку: я должен показать ему, что хочу ему помочь, и глажу его лоб.

Рот его полуоткрыт, он силится сказать слово. Губы у него пересохли. У меня нет с собой фляжки, я ее не захватил. Но на дне воронки, под тиной, есть вода. Я опускаюсь туда, вынимаю свой платок, расстилаю его, прижимаю книзу и черпаю желтоватую воду, которая просачивается через платок.

Он проглатывает ее. Я достаю еще. Затем я расстегиваю его куртку, чтобы перевязать его, если возможно. Я должен это сделать, хотя бы для того, чтобы те там, если они возьмут меня в плен, увидели, что я хотел ему помочь, и не расстреляли меня. Рубаха приклеилась, и ее нельзя отодвинуть в сторону: она застегнута сзади. Не остается ничего другого, как разрезать ее.

Я ищу нож и нахожу его. Но когда я начинаю разрезать рубаху, глаза его еще раз раскрываются, и в них опять вопль и безумное выражение, так что мне приходится их закрыть, зажать и прошептать:

— Ведь я хочу тебе помочь, товарищ, camarade, camarade, camarade! — повторяя это слово выразительно, чтобы он понял.

У него три колотых раны. Мои индивидуальные пакеты прикрывают их. Кровь просачивается сквозь них. Я прижимаю их плотнее. Тогда он стонет.

... Это первый человек, которого я убил своею рукой, которого я увидел и смерть которого является делом моих рук. Кат, Кропп и Мюллер тоже видели это, когда они попадали в кого-нибудь. Со многими это бывало, особенно в рукопашном бою.

Я бы многое отдал за то, чтобы он остался живым. Тяжело лежать здесь, смотреть на него и слушать его.

В три часа пополудни он мертв.

Но я снова говорю, я должен говорить. Я разговариваю с ним и внушаю ему:

— Товарищ, я не хотел бы тебя убить. Если бы ты еще раз прыгнул сюда и держался благоразумно, я бы этого не сделал. Теперь я вижу, что ты такой же человек, как и я. Я думал о твоих ручных гранатах, о твоем штыке, о твоем оружии, теперь я вижу твою жену, твое лицо и то общее, что есть у нас обоих. Прости меня, товарищ! Мы всегда слишком поздно замечаем то, что следовало заметить. Почему нам не повторяют постоянно, что вы такие же несчастные, как и мы, что ваши матери беспокоятся так же, как и наши, и что у нас одинаковый страх перед смертью, и одинаковое умирание, и одинаковая боль? Прости меня, товарищ. Как мог ты быть моим врагом? Если бы мы сбросили это оружие и эту форменную одежду, ты так же мог бы быть моим братом, как Кат и Альберт. Возьми у меня мои двадцать лет, товарищ, и встань, возьми больше, ибо я не знаю, что мне теперь делать!

Тихо, на фронте спокойно, слышен только треск ружейной пальбы. Пули ложатся близко одна от другой, стрельба ведется без плана, но все берется под точный прицел. Выбраться мне отсюда невозможно.

— Я напишу твоей жене, — говорю я поспешно мертвецу, — я напишу ей, она все должна узнать от меня. Я ей скажу все, что говорю сейчас тебе, она не должна страдать, я хочу ей помочь, и твоим родителям тоже, и твоему ребенку.

Его куртка еще наполовину расстегнута. Легко найти его бумажник. Но я не решаюсь его открыть. Там солдатская книжка, и в ней его имя. Пока я не знаю еще его имени, я, может быть, еще смогу его забыть: время сотрет его образ. Но его имя — это гвоздь, который вобьется в меня, и уже никогда нельзя будет его выдернуть. Он будет иметь силу все восстанавливать в памяти, это всегда будет возвращаться и вставать передо мною.

Нерешительно держу я в руках бумажник. Он выскальзывает из моих рук и раскрывается. Из него выпадает несколько фотографий и письма. Я собираю их и хочу их снова сложить, но гнет, который давит на меня, вся неизвестность моего положения, голод, опасность, эти часы, проведенные с мертвым, делают меня отчаянным, я хочу ускорить развязку, усилить муку и покончить с ней. Покончить, как раздробляешь о дерево невыносимо ноющую руку, не думая о том, что будет.

Там фотографии женщины и маленькой девочки, мелкие любительские снимки. Рядом с ними засунуты письма. Я вынимаю их, пытаюсь прочесть. Большинство я не понимаю: мне трудно разбирать, да и плохо знаю я по-французски. Но каждое слово проникает в меня, словно выстрел в грудь, словно колотая рана...

Я раскрываю книжку и медленно читаю.

— Жерар Дюваль, печатник.

Я пишу адрес карандашом убитого на конверте и затем быстро засовываю все в его карман.

После полудня я становлюсь спокойнее. Мой страх был напрасным. Имя больше не расстраивает меня. Припадок проходит.

— Товарищ, — говорю я мертвецу, но я говорю это уже со всей решительностью, — сегодня ты, а завтра я. Но когда я вернусь, товарищ, я буду бороться с тем, что погубило нас обоих: у тебя отняли жизнь и у меня — тоже жизнь. Я обещаю тебе это, товарищ! Этого никогда больше не случится!

Я расстегиваю его куртку...

В ДРЕМУЧИХ ЛЕСАХ

Очерк Ан. АНАТОЛИЕВА

СТРОЯТ ЛАГЕРЯ

ПОЛК отбывал летнюю лагерную учебу в лесах Нижегородского края. Лагеря расположились там первый раз, а потому глушь была страшная. Кругом леса и болота. Особенно глушь давала знать себя в начале лета. Через болота далеко не всюду проложена гать, и при занятиях с выходом в окрестности в иных местах километр проходили около часа. Лишь к концу лета наладили дороги.

Первый месяц летнего лагерного сбора военную учебу пришлось опустить. Дивизия рубила лес, осушала болота и строила лагеря. Строевые занятия начали с обучения одиночного бойца, а с середины июля наступило наиболее интересное время учебы: боевые стрельбища, ночные занятия и походы.

НА ПОЛИГОН

На утро 16 июля назначена боевая стрельба. В 5 ч. 30 м. сигнал к вставанию. Вскакивают и, наскоро одевшись, выбегают на утреннюю зарядку. После зарядки разбегаются по палаткам. За 20 минут надо заправить постель, скатать шинель, умыться и выпить чаю. Наиболее проворные еще успевают выкурить папиросу.

Строй застывает с винтовками в руках. Впереди командиры. Поверка, и повзводно отправляются на полигон. 4-й взвод роты пулеметный, катит и пулеметы. Через полчаса приходят на полигон.

„ЗА МОЛОКОМ"

Впереди, на расстоянии 200 шагов — мишени Бьют по грудным фигурам. Трудность боевых задач все нарастает. Выделяются наблюдатели в специальные блиндажи. Они при помощи рычагов двигают фигуры. В эти фигуры, которые мелькают на несколько секунд, и надо попасть, и попасть не как-нибудь, а в центр фигуры. И попадают. Трудность стрельбы все идет в гору. Теперь уже бьют по фигурам, не лежа с упора (что всего легче), а в самых различных положениях. Подбегают, бьют, лежа и сидя, по мелькающим целям. Иногда все же шлют пули „за молоком", т. е. просто мимо.

Особенно горячо на стрельбищах пулеметным взводам. „Максимы" очень быстро изжевывают свои ленты. Не успевают набивать. Да и стрелять из них труднее.

Невдалеке слышен гневный голос. Помощник командира полка, старый вояка и строевик, громит какой-то злополучный взвод: „Я на 400 шагов любую голову сверлю, а вы на 200 по грудным мишеням мажете!"

Ребята смущенно мнутся и обещают впредь не мазать. Командир полка дает сигнал к окончанию стрельбищ.

После обеда мертвый час. Хочешь-не хочешь, а изволь спать. А не спишь, так лежи и другим спать не мешай. Таскаться по лагерю в мертвый час строго запрещено. По окончании мертвого часа батальоны строятся и направляются в глубь леса. На вечерние занятия назначены большие тактические сражения с разделением на красных и синих.

СРАЖЕНИЕ ВЫИГРАНО!

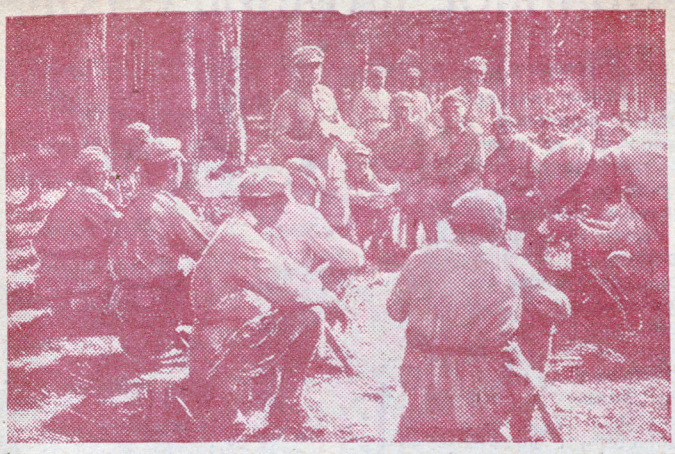
Каждый батальон делится на 2 части. Напа дают красные, а синие где-то в лесу занимают оборонительную позицию и роют окопы. Задачей красных и является выбить синих из окопов. Подойти надо незаметно. Маскируются ветвями елок и сосен, благо леса кругом хватает. Маскируются так основательно, что со стороны кажется, будто лес движется. Впереди разведка, по бокам патрули. Крадутся между деревьев, а в открытых местах переползают. Треть отряда красных выделяется в сковывающую группу и посылается в обход тыла синих. Сковывающая группа красных должна ложной атакой отвлечь синих. Опыт блестяще удается. Ударная группа незаметно подкрадывается к черте самых окопов синих. Внимание последних поглощено расправой с красной сковывающей группой. Ударная группа дает „залп" по переднему краю оборонительной полосы, „ударяет в штыки", и сражение выиграно.

Обидно только, что несколько человек, в том числе и командир, взобравшись на груду наки-

ВОЙНЫ МЫ НЕ ХОТИМ—

НО В БОЙ ГОТОВЫ!

Капиталисты вооружаются...



На занятиях теорией.

В ленинском уголке.

данного хвороста в самый горячий момент атаки провалились в этот хворост по самую шею. Это происшествие несколько утешило и развеселило побежденных синих.

Комбат дает сигнал к сбору. 8-часовой рабочий день кончен. После ужина начинается отдых.

9-я СТУПЕНЬКА, БУМ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Отдых несет много интересного. Это — спорт, шахматы и разные кружки. Составляются партии в крокет. Другие идут на параллельные брусья и турники. Спортивных снарядов в лагерях достаточно.

Особенной популярностью пользуется качающееся бревно — бум. Этот бум укреплен на одном своем конце. Попробуйте ступить на свободный конец, пройти, не упав, до конца, и, повернувшись, дойти обратно. Не так легко!

На бум всегда очередь. Рядом с бумом вертикальная лестница. Перед нею взрыта земля. Упражняются прыгать с большой высоты. Для этого нужна солидная тренировка. Неискушенные дерзают сразу с 9-й ступеньки, прыгают и... приятно изумляются, что голова все-таки не отлетела.

На войне, да и на полевых занятиях сплошь и рядом приходится преодолевать самые разнообразные препятствия, не выпуская винтовку из рук.

У входа в лагеря построен специальный городок. Городком собственно называется ряд самых разнообразных препятствий, которые преодолевают на обратном пути с занятий. Здесь и высокий барьер, и насыпь, с которой прыгают с винтовкой в руках, и бревно над болотом и т. д.

Часть красноармейцев отправляется в клуб. Центральный клуб полка — громадная палатка. Там читают газеты и журналы, играют в шахматы. Там же полковая библиотека.

В клубе можно увидеть любопытные сценки: например, командир играет с красноармейцем в шахматы. А утром командир наложил на него штрафное взыскание за какую-то провинность. Но красноармеец и не думает вспоминать это. Он прекрасно понимает, что строй и дисциплина — одно, а часы отдыха — другое. Сейчас командир ему товарищ, и только. Рядом с клубом театр, и не какой-нибудь, а подмостки, кулисы, скамьи, все честь-честью. Группа красноармейцев и командиров репетирует какую-то пьесу. Скоро спектакль, и надо не ударить лицом в грязь перед товарищами. Но полк имеет не только центральный клуб. Клуб есть и у каждой роты. Там в это же время развертываются всевозможные кружки: ликбезовский, полит и другие. Ротные клубы откликаются на все кампании. Там не редки диспуты и доклады: о религии, сельхозналоге и т. п. Там же пишут стенгаз.

Впрочем, антирелигиозные диспуты уже потеряли свою остроту. Отсутствие бога — аксиома для красноармейцев. Их интересы в математических и технических кружках, в повышении своей боевой квалификации. Популярны политбои. Роты соревнуются между собой на лучшее знание политграмоты, на быстрейшую сборку и разборку оружия, на лучшую стрельбу.

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

В июле и августе в 10 ч. вечера вместо обычной команды: „Приготовиться ко сну!“ часто можно услышать другую команду: „Приготовиться к ночным занятиям!“

Ночные занятия требуют наибольшей осмотрительности. Особенно на-чеку патрули и разведка. Малейший недосмотр, и мимо прокрадется разведка противника или даже целый взвод пройдет.

Бывали случаи, когда прозевывали неприятеля, проходившего в 10 шагах. Переговариваются не словами, а подражают щелканию ночных птиц, трескотне кузнечиков, кваканью лягушек или стучат по подсумкам определенное число раз. Да надо помнить, что осенью подражать жужжанию майского жука не приходится.

Существует оригинальный способ опознавать своих командиров. На козырьках у них светятся огромные брильянты... то бишь, светляки. Впрочем, подкрадываясь к неприятелю, приходится и светляков снимать.

За ночными занятиями следуют походы. Идут километров за 25 к Оке, там купаются и идут обратно. Идут в полном боевом снаряжении. Во встречной деревне проводят летучий митинг. Один из батальонов полка побывал в большом сражении. Он уходил из лагеря на несколько дней. За ним ехали походные кухни. Переправлялись ночью через Оку во время „ураганного огня противника“. У бортов лодок рвались ракеты.

Одна из рот на обратном пути в лагеря сбилась с дороги и угодила в болото. Целый день плутали с кочки на кочку, пока не выбрались.

ВОЕНИЗИРОВАННОЕ КАТАНИЕ С ГОР

Рис. Н. Курганова.

— В чем дело, почему вы звонили?
— То... то... товарищ разводящий... какой-то злоумышленник луну спер!

Рис. Н. Курганова.

— Смотрите: Жуков в белом халате под черным деревом замаскировался. Как вы назовете такую маскировку?
— Халатной, товарищ командир.

— Пашкин, почему вы на вахте спите?
— Я не сплю: я только глаза от сильного света зажмурил.

КРАСНОАРМЕЕЦ-КАВАЛЕРИСТ должен уметь на полном карьере разрубить шашкой картошку и надеть на пику кольцо в 7 *см* в диаметре. Такой верный удар достигается только длительной учебой, во время и после которой устраиваются увлекательные состязания на призы. Случается, что молодые красноармейцы в пылу „битвы" отрубают лошадям уши, за что получают заслуженное взыскание.

Зимой деревенские ребята целые дни проводят в катании с гор на скамейках, санках, ледяшках и пр.

Предлагаем военизировать это веселое занятие.

Каждый пионер-„кавалерист" должен прежде всего иметь „лошадь". Для этого лучше всего подходят скамейки, так как они сравнительно высоки.

Спереди у скамейки приделывается палка, служащая „головой" лошади. На верхнем конце палка должна иметь расщеп, в который вставляется щепка. Это „уши лошади", от этой щепки идут также две веревки (повода), которые пионер держить в левой руке (см. рис. 1). Стоит чуть дернуть за повода или ударить „шашкой" по „ушам", как щепка выскакивает, и пионер лишается приза. Это делается для того, чтобы „кавалерист" во время рубки приучался не вихляться всем телом, не рубить „лошадям уши" и не дрыгать левой рукой, что вредно отзывается на настоящем коне.

Пика делается из дерева, но без острия; она должна быть приблизительно в два раза длиннее „кавалериста".

Шашка — это короткая (50—75 *см*) круглая палка, тоже без острия.

Существует целый ряд приспособлений, на которых красноармейцы учатся рубить и колоть.

В отряде у ребят, конечно, найдутся знакомые демобилизованные (или отпускники) красноармейцы-кавалеристы, которые с удовольствием научать пионеров кавалерийским приемам. Для начала ребятам предлагаем такие упражнения.

Ребята едут с горы гуськом, сохраняя расстояние, равное длине 4 „лошадей", и рубят и колят направо и налево. По всей горе с обеих сторон дорожки расставляются крестовины с мишенями. Крестовины делаются так, как показано на рис. 2. Как только первый „кавалерист" срубит первую мишень, стоящий у крестовины пионер поворачивает ее для следующего удара, а сам ставит новую мишень на месте первой. Мишени можно сделать такие:

Для шашки: 1) рубить (сшибать) чурки (см. рис. 2); 2) колоть — кольцо из прутика (см. рис. 3).

Для пики: колоть — кольцо.

Кто срубит мишень, задев крестовину, тот лишается приза.

Можно из снега слепить китайского или какого-нибудь другого генерала и рубить и колоть ему голову или руки, а то пикой или шашкой поддеть лежащее на земле кольцо. Вообще ребятам предлагается самим придумать ряд упражнений, советуясь с настоящим кавалеристом.

Потом устраиваются состязания на призы между звеньями и отрядами.

с. Котово.

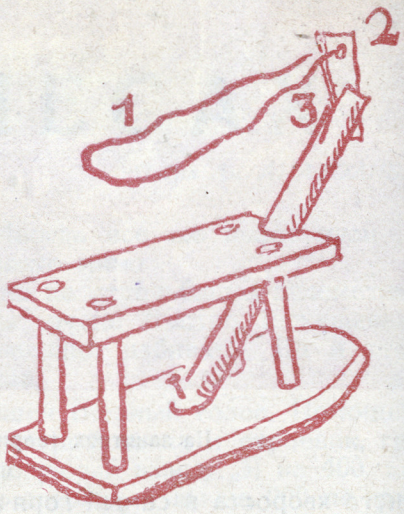


Рис. 1

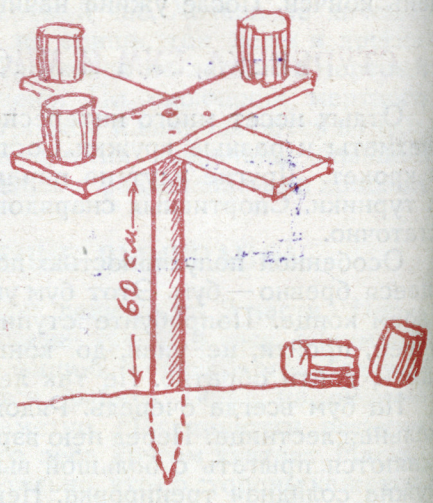


Рис. 2

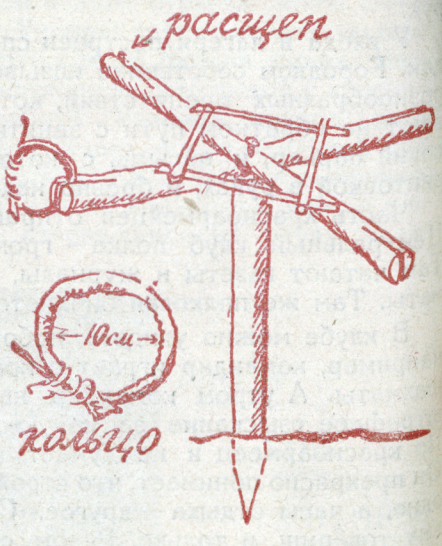


Рис. 3

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия", редакция журн. „Пионер".

Редколлегия: И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, И. ХАЛТУРИН, М. ЭПШТЕЙН. Ответственный редактор И. РАЗИН

Главлит №—А 60.055. М. Г. 4.157. З. Т. 796. Тираж 60.000.

Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский, 13.